

УДК 94(47)07-08

doi 10.17072/2219-3111-2023-4-29-39

Ссылка для цитирования: *Кориунков В. А., Ледров С. М.* Промысловые животные: добыча и обработка кошачьего меха в России XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 29–39.

ПРОМЫСЛОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ: ДОБЫЧА И ОБРАБОТКА КОШАЧЬЕГО МЕХА В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В. А. Кориунков

Вятский государственный университет, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36
vla_kor@mail.ru
SPIN-код: 9519-7280

С. М. Ледров

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Нижнем Новгороде, 603022, Россия, Нижний Новгород, ул. Окский съезд, 2;
Нижегородский институт развития образования, 603122, Россия, Нижний Новгород, ул. Ванеева, 203
sledrov@yandex.ru
SPIN-код: 7211-3630

Меховой промысел издавна получил широкое распространение среди населения России по причине климатических особенностей ее территории, из-за наличия огромных запасов сырья животного происхождения и немалого спроса на русские меха за границей. Помимо заготовки шкур диких зверей, обыденным явлением в России стал промысел по добыче и обработке кошачьего меха. Эта отрасль промышленности до сих пор еще недостаточно изучена в отечественной научной литературе. Предлагаемое исследование основано на комплексном анализе неизвестных ранее архивных документов, статистических данных, этнографических материалов и описаний этого промысла в публицистике и художественной литературе. В статье рассмотрены причины и степень распространения такого промысла. Выявлена и проанализирована терминология, использовавшаяся для обозначения его участников и их действий. Определены основные районы заготовки и обработки такого сырья в Европейской России (прежде всего это Симбирская, Нижегородская, Вятская губернии), описана технология выделки кошачьих шкурок. Также определены места сбыта выделанных кошачьих мехов и экспортный потенциал такого товара, который, в частности, имел особое значение в торговле России с Китаем. В статье уделено особое внимание Нижегородской ярмарке, где проводилась торговля мехом, в том числе кошачьим. Отмечено, что этот промысел из-за своей востребованности продолжал развиваться и в советский период, особенно активно – примерно до середины XX в. В работе использован антропологический (в частности, зооантропологический) подход к изучению экономической истории и истории повседневности. Обращено внимание на изменение отношения людей к домашним животным, в частности к кошкам, – от характерного для традиционной культуры прагматичного и утилитарного их восприятия до современного их статуса домашних любимцев.

Ключевые слова: история кожевенно-меховой промышленности, торговля шкурами и мехом, кошачий мех, Нижегородская ярмарка, зооантропология.

Введение

В 1870-х гг. в Уржумском уезде Вятской губернии В. К. Магницкий записал действия «закупателей кошек», или кошатников. Они убивали кошку, схватив ее за задние лапы и с размаху ударяя о свои сани. И произносили: «Не я бью – хозяин!», чтобы на том свете кошки им глаза не выпарапали (*Магницкий*, 1883). Магницкий внес наблюдения за кошатниками и в словарь уржумского говора: «Кошатники – нижегородские торговцы деревянной посудой; обзываются кошатниками за обмен посуды на кошек» (*Магницкий*, 1885, с. 29).

Стало быть, по нашим деревням не столь уж давно массово добывали пушного зверя – кошку домашнюю обыкновенную. Современного человека не может не изумлять обыденность

этого жестокого промысла (который сопровождался привычным ритуализированным приговором). Сейчас такой промысел кажется необычным, шокирующим. Культуролог А. Н. Рылева заметила: «Существует интересный исторический факт (и ссылка на интернет-сайт. – В. К., С. Л.): оказывается, в XIX веке Россия продавала кошачьи шкурки!» [Рылева, 2009, с. 414]. Да, они добывались, обрабатывались, продавались.

Этой теме касались немногие из ученых-историков, имеются лишь единичные работы. Как отмечала С. В. Голикова в небольшой популярной статье, «кошка относилась к разряду промысловых животных» [Голикова, 2006]. По деревьям развешивали так называемые кошачники, выкрикивая: «Кошки на ложки менять!». Все это совершалось ради меховых шкурок. Этих «кошачников» иначе называли посудниками, потому что вещами на обмен у них служили ложки и глиняные горшки. Кроме кошек, они иной раз выменивали у крестьян и других животных – собаку, ягнят, телят, зайцев, даже сорок [Там же].

В последнее время выходят статьи Б. Л. Шапиро, которая специализируется на истории меховой промышленности и моды. Одна из ее недавних работ – об использовании кошачьих и собачьих мехов в советское время [Шапиро, 2022]. Если у Голиковой описывается дореволюционное время, то у Шапиро исследуется более поздняя эпоха.

Жестокость по отношению к кошкам, использование их как промысловых животных характерны не только для России. В прошлом такое было свойственно самым разным странам, в том числе странам Западной Европы. По сведениям экономиста и статистика Г. П. Небольсина, в XIX в. на знаменитые Лейпцигские ярмарки привозилась местная немецкая пушнина, в том числе кошачьи меха: на Пасхальную ярмарку 30 тысяч дюжин мехов, на Михайловскую – 10–15 тысяч дюжин (Небольсин, 1850, с. 250).

Цель нашей работы – изучить особенности и масштабы добычи и обработки мехового сырья в XIX – начале XX в., причем конкретно – меха кошачьего. Источниками служат выявленные архивные документы и специализированные публикации – отчеты, ведомости, словари, краеведческие, журналистские, этнографические и статистические тексты. Особенное внимание уделено Нижегородской губернии, где располагались промышленные центры по обработке кож и мехов. В соседней Вятской губернии массово заготавливалось сырье, которое затем перевозили на нижегородские фабрики. Один из соавторов – нижегородец, специалист по истории местной кожевенно-меховой промышленности и торговли [Ледров, 2011; Ледров, 2012]. Другой – историк из г. Кирова (Вятки), знаток местного края и автор работы об отношении людей к животным в России. В его книгах эта тематика уже затрагивалась [Коршунков, 2021, с. 255–264; Коршунков, 2022, с. 153–165].

В последние десятилетия историки все чаще применяют антропологический подход. При этом проясняются многочисленные детали, которые иначе могли бы ускользнуть из поля зрения. Внимание смещается в сферу изучения повседневности, что тоже актуально для исследовательской парадигмы современной гуманитаристики. Отношение людей к кошкам как к промысловым животным обнаруживает не слишком заметные особенности образа жизни и образа мыслей миллионов людей в недавнем прошлом – тех, кто сдавал заготовителям своих собственных и соседских кошек, кто их убивал и затем доставлял на переработку, кто изготавливал меховые изделия. И главное – тех, кто охотно покупал такие изделия, удобные и недорогие. Антропологический подход в этом случае смыкается с новым, активно разрабатываемым ныне в мировой науке направлением – зооантропологией, т.е. изучением взаимоотношений и взаимовлияний людей и животных на разных этапах исторического развития.

Терминология

В словаре В. И. Даля упоминаются кошатники, кошкари, кошкодавы, кошкодеры – «развешивающие по деревьям торгоши, меняющие мелочный товар на кошек для *колотковых* мехов. Выменяв кошку и убивая ее тут же о колесо, *кошкарь* приговаривает: *не я бью, хозяйка бьет!*» (Даль, 1956, т. 2, с. 182–183). Термин «кошкодав» свидетельствует о том, что животных не только забивали, но и удавливали. Меха у Даля названы «колотковыми» – от способа забоя коротким ударом (колотком) о твердый предмет. У него также упомянут «*колотковый мех, шубка*

(*колоченый зверь*)», с пояснением: «кошачий, как песий, называют *сторожковым*» (Там же, с. 141). Дворовую или пастушью собаку называли «сторожком» (от глагола «стеречь»), и, соответственно, была «*сторожковая шуба, собачья, песья, из собачьего меха*». Даль уточнял: «*Собачьих и кошачьих мехов нет в торговле, а есть сторожковые и колотковые меха*» (курсив наш. – В. К., С. Л.) (Там же, т. 4, с. 331). По-видимому, не очень хотелось прямо заявлять, что изделие – из шкур собак либо кошек, оттого и появились профессиональные термины-эвфемизмы.

Историк Б. Л. Шапиро, изучив использование шкурок кошек и собак в меховой промышленности, обратила внимание не только на профессионализм «сторожковые» (собачьи), но и на экзотизм «печелазовые» (кошачьи). По ее суждению, эти слова как «символы глумления над нашими “братьями меньшими” получили стойкое неприятие и не прижились в русском языке...» [Шапиро, 2022, с. 256]. Скорее всего, они не закрепились в речи, поскольку такие меха не считались ценными, престижными. В работе самой Шапиро приведены сведения, что перекраска и обработка шкурок часто делались прямо на фабриках, чтобы облагородить внешний вид изделий – под соболя, нутрию, кролика.

В Вятском крае, где в 1870–1880-х гг. В. К. Магницкий изучал народную жизнь, в конце XIX в. бытовали еще словечки «кошешник» и «кошкодер». Первое из них означало не только «любящего кошек», оно могло иметь такое значение: «Торгующий деревянной столовой посудой, меняя ее на кошек, на кошачьи шкуры. Ездят большею частью зимою. Если кошешник получает живую кошку, он тут же ее и убивает; шкуру сдирает, а мясо бросает потом» (Васнецов, 1907, с. 114). А кошкодер – «бранное слово; означает человека безжалостного, не имеющего жалости, сострадания» (Там же). На рубеже XIX–XX вв. по Сарапульскому уезду разъезжали кошатники, выкрикивая: «Кошки на ложки» (Зеленин, 1901, с. 7).

Кошкодавами и кошкодерниками называли также жителей тверского г. Бежецка и г. Ялutorовска в Тобольской губернии (Словарь русских народных говоров, 1979, вып. 15, с. 150). М. М. Пришвин в очерке «Сердце зимы» (1926) рассказывал о том, как он добыл лисицу. Слух об этом тут же дошел до кошатников (это слово Пришвин выделил курсивом), и один из них явился покупать лисью шкуру (Пришвин, 1983, с. 342–343).

В нарративных источниках

В повести Д. В. Григоровича «Антон-Горемыка» (1847) упомянуты «бабы, тащившие за веревку хилую, костлявую коровенку с высохшим выменем, которую... влачили продавать кошатникам на шкуру» (Григорович, 1988, с. 171). Слово «кошатник» подошло для общего наименования всякого живодера, который промышлял убийством и заготовлением разных животных.

В рассказе Н. С. Лескова «Юдоль» (1892) о голоде в 1840 г. на Орловщине сказано о кошкодралах: «Они покупают кошек и тут же их убивают о колесную шину телеги или о головашку саней. Цена кошки черной и серой – гривна, а пестрой – пятак меди» (Лесков, 1958, с. 267).

И. А. Бунин в зачине повести «Деревня» (1910) изобразил типичную для XIX в. картину. Заготовители едут «в телеге с рундуком посередке» и зазывают: «Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!» (Бунин, 1965, с. 13). Предлагают они «зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели», а в обмен – «дохлые кошки, яйца, холсты, тряпки» (Там же). Здесь у Бунина упомянуты старьевщики, которые берут почти все, любой хлам (но и дохлых кошек тоже).

Писатель-этнограф С. В. Максимов, уроженец Парфентьева посада Костромской губернии, в середине 1850-х гг. создал очерк «Грибовник», в котором говорилось о его родном городке. Житье там было бедное, а неподалеку находились фабрики по выделке меха и кожи: «Вот почему посадские занимаются и таким *последним* делом, как битье кошек, и за то прозваны от соседних крестьян *кошкодавами*» (курсив автора. – В. К., С. Л.). «Последним делом» промысел назван, видимо, оттого еще, что, привыкнув к похищению кошек, парфентьевцы крали домашнюю скотину и даже выходили на разбой (Максимов, 2010, т. 6, с. 540).

В другой книге – «Сибирь и каторга» (1871) – Максимов писал, что знаменитый разбойник Коренев родился в Пермской губернии, «в маленьком, наибеднейшем уездном городишке» (Максимов, 2010, т. 1, с. 367). От скудости тамошние люди промышляли либо конокрадством,

либо «крали и давили крестьянских кошек и собак, а ободренные шкуры перепродавали на кожевенные заводы...» (Там же).

В. В. Розанов в 1902 г. прочел газетную статью, где рассказывалось о добыче кошек на Вятке: кошководы переламаывали им лапки, чтобы те оставались живыми и заготовленный товар до времени не испортился. Ужаснувшись, он написал заметку, призывая «практически провести в жизнь какие-нибудь меры менее варварского умерщвления кошек» (Розанов, 1995, с. 318). По его словам, совсем прекратить это нельзя, «нужно уничтожить именно варварство, муку, длительность страданий» (Там же).

Священнику, который в 1862 г. проводил с прихожанами воскресные беседы на Нытвенском заводе Пермской губернии, мужик задал вопрос: «Грех или нет убивать кошек либо отдавать их кошечникам и менять на чашки и ложки?». Священник легко доказал, что в пищу кошек употреблять – это грех. А на их убийство в Библии запрета нет. Все создано Богом на потребу человека. «Точно так же, если кошка тебе не нужна или стала шkodить, воровать говядину, хлеб, можно ее убить, чтобы или воспользоваться шкурой, или отдать кошечникам, чтобы избавиться от ее пакостей и на прокудливую кошку выменять чашку, нужную в домашнем быту» (Л[укани]н, 1871, с. 118–119). Мало кто из нынешних иереев решился бы научать свою паству такому.

Сбор кошки и обработка шкурок

Особенно ценилась вятская кошка. Статистик М. В. Арнольдov писал: «При значительном спросе на этот товар, в Вятской губернии например, даже заботятся о разведении возможно большего количества кошек. Нам рассказывали, что содержание кошек почти ничего не стоит хозяевам...» (Арнольдov, 1866, с. 22).

Кошатники Тюменского и Екатеринбургского уездов были основными сборщиками сибирской кошки, мех которой, наряду с вятской, считался наиболее качественным. Оптовая торговля сибирской кошкой велась на Ирбитской ярмарке. А главным центром сбора так называемой русской кошки было с. Жадовка Симбирской губернии. В середине XIX в. в его округе проживало около 1500 кошатников. С сентября по январь они разъезжали по соседним губерниям (вплоть до Сибири, где могли повстречать тамошних кошатников) и на закупленный заранее «щепной товар» (чашки, ложки, веретена), а также на бусы, стаканы и другую бытовую мелочь выменивали кошек и мерлушки (меха ягнят). Набрав один-два воза шкурок (примерно по 1000 штук в каждом), кошатник возвращался домой. В иной год тульские, владимирские и нижегородские купцы перекупали на базарах в Жадовке до миллиона шкурок (Там же, с. 22–24).

Интересно, что промысловики из Жадовки поддерживали постоянные отношения со скупщиками деревянной посуды из с. Городца Балахнинского уезда Нижегородской губернии, которые кредитовали их своим ходовым товаром (Отчет..., 1901, с. 136).

Жители с. Катунки того же Балахнинского уезда прославились умением подделывать кошачий мех под более дорогие сорта пушнины – котиковые, бобровые и соболи меха (Очерки из животного царства..., 1903, с. 139). Фальсификация меховых товаров получила в России широкое распространение. «По этому поводу нельзя не вспомнить гоголевскую “Шинель”, – писала Б. Л. Шапиро, – для утепления которой послужила “кошка, лучшая, какая только нашлась в лавке, кошка, которую издали можно было всегда принять за куницу”» [Шапиро, 2022, с. 256]. В другой статье Шапиро цитировала публикацию начала XX в. о распространении в России импортного фальсификата: «Те роскошные, красноватые, серебристые и золотистые шкурки лисиц, которые вошли теперь в моду и украшают плечи любой женщины, простите за откровенность, простая домашняя сибирская кошка, но только так искусно подделанная, начиная от ворса шерсти и кончая до подшерстка и даже мездры, с пришитым лисьим хвостиком, что нужно быть знатоком или распороть ее всю, чтобы действительно убедиться в том, что это не лисица. Продается эта кошка “под лисицу” по 18 рублей за штуку с фабрики и теперь ввозится в таком огромном количестве, что скоро сибирской кошки не будет на свете» [Шапиро, 2021, с. 108–109].

Кроме того, обитатели с. Катунки перепродавали собранные шкурки (в 1860-х гг. – до 40 тысяч штук ежегодно) торговцам из с. Спасского Васильсурского уезда (Доброзраков, 1867,

с. 173), которое было главным центром кошатников Нижегородской губернии. В Спасском был так называемый Поганный конец, где обитали сборщики сырья и складировался собранный ими товар, запах которого чувствовался за версту. А профессиональный термин «кошатник» стал прозвищем всех жителей Спасского, и так их обзывают до сих пор. Хотя иногда в их адрес звучало и более хлесткое «кошкодавы». В 1968 г. в газете Спасского района повествовали о прошлом края: «Кожевенное сырье заготавливалось как в местной округе, так и за ее пределами. Раньше в Нижнем и других местах губернии, отвечая на вопрос: “Откуда?” – “Из Спасского”, – почти всегда можно было услышать насмешливый отзыв: “А, кошатник!” Действительно, в Спасском и других селениях многие бедняки и маломощные середняки занимались сбором кожевенного и прочего сельскохозяйственного сырья. Отправляясь на промысел, бедняк-безлошадник занимал денег и путешествовал по селам, возглашая: “Кошек, собак блудных, ягнят палых!” (блудных – значит, бродячих. – *В. К., С. Л.*). Набранный “товар” сдавал заимодавцу. <...> Некоторые сборщики отправлялись промышленять на лошади, с различными товарами (ситцевый лоскут, платки, дешевая галантерея, пряники и т.п.). На них они выменивали или скупали за деньги шкурки, лен, щетину, волос, рога, кости, тряпье и т.п. Заготовленное сырье также продавалось скупщикам» (*Михалёв, 1968*), которые отправляли его на Нижегородскую ярмарку. Так, в 1872 г. в ведомости о привезенных и проданных товарах Спасского сырейного ряда на этой ярмарке значилось 20 тысяч шкурок черных и белых кошек на 5 тысяч рублей (ЦАНО. Ф. 472. Оп. 287. Д. 10. Л. 89).

А в другом селе Спасской волости топоним превратился в одно из названий все той же профессии. Это с. Ватрас (Монастырский Ватрас, сейчас Красный Ватрас). Там был развит овчинный промысел, но проживало немало сборщиков иного сырья. В словаре Брокгауза и Ефрона есть статья «Ватрасы». Таким прозвищем именовали местных крестьян, разъезжавших «для скупки исключительно сырых животных продуктов: щетины, гусяного пуха, пера домашней птицы, костей, меду. Многие из ватрасов занимаются преимущественно скупкою кож с битого и палого скота и собирают также дохлых собак и кошек» (Ватрасы, 1892). Если же дохлых не находилось, то и заезжие заготовители, и сами хозяева умели запросто превращать живых в мертвых.

О географии предпринимательской деятельности ватрасов дает представление замечание статистика П. И. Наумова, который, характеризуя Царевосанчурский уезд Вятской губернии начала XX в., указывал, что оттуда поступало кожевенное сырье на заводы, расположенные в Нижегородской губернии. Скупкой кож занимались не только местные, но и приезжие заготовители. Таких, как писал Наумов, именовали ватрасами ([*Наумов*], 1904, с. 94). Видимо, ватрасов же имел в виду и В. К. Магницкий, писавший об Уржумском уезде.

Самым крупным центром выделки кошачьих шкурок в России был г. Арзамас Нижегородской губернии, куда они свозились главным образом из Жадовки, а также из Спасского, с Нижегородской ярмарки и ярмарок других губерний. Мастеров по обработке кошачьих шкурок, как и сборщиков сырья, называли кошатниками. В. Г. Короленко в очерке «Божий городок» (1894) при описании Арзамаса упоминал двух рабочих, которые были «исконные арзамасцы, скорняки-кошатники» (*Короленко, 1955, с. 402*). Иначе они названы в очерке работающими «по кошачьей части». Правда, по какой-то причине «дело их идет плохо, хоть брось...» (Там же, с. 408).

Количество поставляемого в Арзамас кошачьего сырья в XIX в. удвоилось: с 350 тысяч штук в 1835 г. до 700 тысяч штук в 1900 г. [*Ледров, 2011, с. 349, 353*]. Основное производство было там сосредоточено на купеческих скорняжных фабриках, которых насчитывалось около десятка. Купцы нанимали постоянных рабочих, а также использовали труд надомников. В 1870-х гг. этот промысел стал распространяться и среди крестьян соседнего с. Кирилловки.

Скорняки выделывали кошачьи шкурки, разбирали по сортам и сшивали в бунты и меха. Бунт – это две шкурки, связанные волосом наружу. Иное название – парная (или бунтовая) кошка. Бунты продавали как по отдельности, так и в связке из нескольких пар. Например, белочный и заячий бунт включал в себя 20 шкурок. Мех состоял из 24–48 кошачьих шкурок, сшитых в ряд в виде мешка.

Процесс выделки заключался в замачивании шкурок на ночь, последующем их мездрении (скоблении с внутренней стороны) специальными косами, намазке покитью (кашицей из

забродившего раствора подсолонной овсяной муки), сушке, топтании для размягчения, трепания (ударами о что-нибудь твердое для удаления остатков покити), чистке меха чищалкой (палкой с зазубринами), правке на коньке (растягивании и распрямлении на специальной доске). Шитые шкурки натирали мелом и взбивали, чтобы мех выглядел привлекательнее.

А. В. Карпов, описывая в 1870-х гг. труд скорняков Арзамасского уезда, которые обрабатывали также шкурки белки, зайца, хоря и мерлушку, отмечал: «Технические приемы при обработке кошки в общих чертах те же, что и при обработке белки, но при обработке кошки нужно более силы, потому что кошачья шкурка больше и крепче заячьей и беличьей. Кроме того, при кошачьей работе более нечистоты, а вонь для непривычного человека – невыносимая» (Карпов, 1880, с. 129).

Особого профессионализма требовала работа по сортировке выделанных шкурок: «Разборка, т.е. сортирование шкурок по меху, в скорняжном производстве составляет самое трудное и утомительное занятие; нужно подобрать шкурки так, чтобы мех не казался пестрым сбродом разноцветных шкурок, а чтобы выглядел более или менее одноцветной шкуркой. Разборка кошачьих мехов особенно трудна, потому что сортов кошки больше, сравнительно с числом сортов другого скорняжного товара. Разборщику мехов нужна большая привычка к этому делу и тонкость зрения, чтобы ясно отличать различные цвета и переливы шерсти...» (Там же, с. 129–130). В подтверждение Карпов перечислил 10 основных сортов, которые обычно встречались в партии сырья из тысячи шкурок: дымка, черная (1, 2, 3-го сортов), маурая (серая, это самый дорогой сорт – 40 коп.), полудымка, серый и черный пестряк, моругий (грязно-пепельный), чагравая (серо-пятнистая, это самый дешевый сорт – 17 коп.). Кроме того, каждый сорт разделялся на светлый и темный.

Несмотря на сложность работы скорняка-кошатника, от нее обычно не отказывались. Стоимость выделки кошки росла, дело было доходным. Один работник-кошатник за месяц приносил хозяину чистой прибыли 3 рубля 64 копейки, белочник – лишь 2 рубля 64 копейки, а зайчинник – всего 64 копейки (Там же, с. 113).

При этом производство было безотходным. Счищаемое со шкурок сало шло на мыло, из ножек и остатков покити варили клей, из лап, лоскутьев и обрезков собирали лапчатые, лоскутные, жаганчатые меха (Там же, с. 104)¹.

Спрос на меха

Ради чего же существовал в России кошачий промысел? Его широкое распространение свидетельствует о том, что спрос на такие меха был огромен. Из них шили дешевую теплую одежду. Бунты из отборных шкурок использовали для обшивки (опушки) краев шуб. Не пропадали и кошачьи хвосты. Крестьянки из окружающих Арзамас селений во время безработицы, когда не было шитья мехов, скупали хвосты у хозяев скорняжных мастерских и собирали их в ковры, которые потом им же и продавали. А те отправляли ковры вместе с прочим своим товаром на ярмарку (Отчет..., 1909, с. 133).

Из кошачьей кожи издавна изготавливали поясные кошель для денег, их так и называли – «кошки» (Михельсон, 1994, т. 1, с. 465). В Пермской губернии в XIX в. слово «кошка» означало: «вывернутая кошачья шкура, которую крестьяне употребляют вместо мешка для хранения денег» (Словарь русских народных говоров, 1979, с. 149).

В 1790 г. арестовали крестьянина И. Хворова, жившего в Сарапульской округе. Его заподозрили в связях с разбойниками, потому что после нападения шайки на дом священника Молчанова Хворов заявил «в похмельных словах, что, де, разбойники были, но еще и будут». При обыске у Хворова нашли вещи, вроде бы взятые разбойниками из дома священника. Получалось, что он – один из укрывателей (ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 167. Л. 231, 246–251). А он оправдывался, утверждая, что вещи его собственные. В записанной его речи как нечто общепонятное мелькнуло слово «кошка», а именно: «три кошки, кошелями шитые, и собачья кожа, кошелем же шитая». Он твердил, что эти вещи куплены им у неизвестных людей (Там же. Л. 247 об.). Выходит, что у мужика мешочки для денег были изготовлены из кошачьих и собачьих шкурок.

Мех кошки также являлся одним из предметов российского экспорта. Кошачьи бунты арзамасской выделки ценились не только в Малороссии и Польше (т.е. внутри государства), но также в Турции, Греции и других странах. Именно от заграничного спроса на этот товар во многом зависела торговля им на Нижегородской ярмарке: объемы его привоза из года в год менялись – то больше, то меньше. На это влияли и погодные условия: в морозные зимы, например, сырьё собиралось больше, чем в теплые, так как оно не успевало испортиться при транспортировке; в урожайные годы крестьяне забивали кошек в меньшем количестве, соответственно, и кошатники заготавливали меньше сырья.

Наивысшие показатели привоза невыделанных кошачьих шкур (до 500 тысяч штук) отмечались на ярмарке в 1827 г. ([*Тягин*], 1827, с. 34) и в 1867 г. (ЦАНО. Ф. 489. Оп. 286. Д. 1260. Л. 15, 56 об.). Их скупали владельцы отечественных скорняжных заведений. Кроме того, кошка, как и другая пушнина, пользовалась повышенным спросом у торговцев из сибирской Кяхты. Они приобретали ее в больших количествах и отправляли в Китай для обмена на чай. А чайная торговля была мотором Нижегородской ярмарки. В период расцвета кяхтинской торговли ежегодный вывоз кошачьего меха из России в Китай достигал внушительных объемов: в 1810-х гг. – 1,7 млн штук. К началу 1840-х гг. он сократился до 766 тысяч штук [*Небольсин*, 1850, с. 256].

Г. П. Небольсин указывал: «Кошка, промениваемая китайцами, различается на домовую и степную. Из домовой кошки черная предпочитается разношерстной, ценится против нее вдвое или втрое дороже и бывает иногда в хорошем требовании. Степная кошка, величиною более домовой, цветом похожая на рысь, но волосом ниже, сбывается в малом количестве, и кроме русской, доставляется в Кяхту вымененная на линии у киргизов» (Там же, с. 259).

В конце XIX – начале XX в. кошачье сырьё в Нижний Новгород продолжало поступать в количестве не более 200 тысяч штук. В основном кошку привозили из Симбирской, Уфимской, Оренбургской губерний, частично из Сибири. Однако большого значения для обрабатывавших такое сырьё районов России ярмарка как место его закупки уже не имела.

Выделанных кошачьих мехов в середине XIX в. на ярмарку завозили не более 10 тысяч штук. Пик торговли пришелся на 1902 г., когда в Нижний Новгород поступило 115 тысяч сборных мехов (Отчет..., 1903, с. 83). Доставляли их главным образом из Арзамаса и Казани, в меньшем количестве – из Слободского уезда Вятской губернии и с. Дунилова Владимирской губернии. Скупался такой товар в основном для отправки в Москву, а также в западные и юго-западные губернии. Кошачьи бунты почти все шли на экспорт, а еще в Варшаву и Москву. Временами лучшие сорта арзамасской выделки и даже ковры из кошачьих хвостов отправлялись с Нижегородской ярмарки на меховые аукционы Лондона и Лейпцига.

В XX веке

В годы Первой мировой войны в связи с мобилизацией промысел кошатников пришел в упадок: собирать кошку стало некому. К 1917 г. на Нижегородскую ярмарку такое сырьё вовсе перестало поступать. Вздорожание цен на него и на рабочие руки привело к росту цены на выделанный товар. Предложение арзамасской кошки сократилось примерно вдвое: с 25–30 тысяч мехов и 6–8 тысяч пар бунтовой в 1913 г. (Отчет..., 1914, с. 214, 215) до 15 тысяч мехов с незначительным количеством бунтовой в 1916 г. (Отчет..., 1917, с. 124). Да и то это были частично остатки от предыдущих ярмарок. Из-за отсутствия покупателей из западных губерний меха вообще мало кто покупал. В 1917 г. на Нижегородскую ярмарку из Арзамаса прибыли только одна фирма да несколько казанцев.

Во время нэпа этот промысел восстановился и продолжал существовать в последующие годы. По словам Б. Л. Шапиро, идея использовать для производства меховых изделий шкурки кошек и собак в СССР стала «относительно новаторской» [*Шапиро*, 2022, с. 256]. При этом она же пишет, что такая идея «не была абсолютно новой» – кошек ради меха добывали и прежде [Там же]. О новаторстве речь, разумеется, не идет. А масштабы промысла, действительно, возросли.

А. К. Сташевский, который стал руководителем советской меховой отрасли, призывал: «Надо начать заготавливать кошек и собак. <...> Мы будем из них делать соболя, сурка и енота...

<...> По кошке с каждого двора – 20 миллионов кошек. По собаке – 20 миллионов енотов». На рубеже 1920–1930-х гг. резко вырос и экспорт кошачье-собачьей продукции. До Второй мировой войны ее вывозили из СССР в США, Францию, Великобританию, Чехословакию, Швейцарию, Швецию, Германию, Бельгию, Нидерланды. Шапиро отметила, что «в послевоенные годы ее потребление замкнулось преимущественно внутренним рынком: здесь оно считалось вполне допустимым с морально-этической точки зрения» [Там же, с. 257–258].

В первые годы новой власти обстоятельства, связанные с кошачьими шкурками, нашли отражение в публицистике. В 1923 г. «Правда» сообщала, что в с. Мурзицы Мурзицкой волости (очевидно, тогдашней Симбирской губернии) приехал агент по сбору продналога и стал вымогать 60 черных кошек «на шубу». В журнале «Крокодил» в связи с этим напечатали фельетон «Черные кошки» и поместили карикатуру (Крокодил, 1923, с. 723, 725). В 1927 г. в газете «Комсомольская правда» рядом с рабкоровским фельетоном поместили рисунок «Похороны безвременно погибших кошек». В. В. Маяковский к рисунку набросал стихотворный текст «Про Госторг и кошку, про всех понемножку». Это критика бесхозяйственности: для Госторга заготовили кошек, а когда потеплело, трупы подгнили, и осталось только их закопать (*Маяковский*, 2014, с. 126–127). В журнале «Бегемот» в 1928 г. был опубликован стих о судьбе кота Васьки: «Шкуру кошатник сдерет, а мясо пойдет в колбасу» (В магазине, 1928, с. 6). Такое тогда считалось забавным. Да и слово кошатник еще воспринималось как указание на профессию. Отголоски такой ситуации – во второй книге романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». Один из героев, Размётнов, заботясь о поселившихся у него голубях, пристрелил из нагана подбившуюся к ним кошку. Затем решил известить всех кошек вообще. А местные решили, что тот «заготавливает кошек» (*Шолохов*, 1960, с. 284–292).

М. В. Перцева (1905–1989) в военные 1940-е гг. служила на электростанции в подмосковной Шатуре. Ей выдали теплый меховой жилет, в заднюю часть которого были вшиты кошачьи шкурки². В 1979 г. в СССР был введен Госстандарт «Шкурки кошки домашней меховые выделанные» (действующий до сих пор)³. А в центре с. Спасского Горьковской области еще в 1980-х гг. располагался склад заготконторы потребительского общества, который в народе назывался «кошкин дом», т.е. живодерня. Примечательно, что в 1970-х гг. перестали поощрять умерщвление детьми животных (например, сусликов) ради личной выгоды, в интересах народного хозяйства или в учебных целях [*Борисов*, 2021]. Времена изменились. Нравы тоже.

Заключение

В дореволюционной России добыча кошек и выделка их шкурок не считались занятиями почтенными, но в то же время были делом обыденным. Известные нам факты указывают на немалые масштабы такого промысла. В советское время, примерно до середины XX в., размах выработки кошачьих мехов соответствовал бедности тогдашнего общества и государства: спрос был, люди охотно пользовались сравнительно дешевой одеждой из кошачьего меха. А еще все это свидетельствовало о прагматичном и жестоком отношении к тем животным, которые сейчас стали домашними любимцами. Специалист по зооантропологии А. А. Локтева удачно определила положение кошек в России XIX в.: «Они воспринимались как расходный материал, являлись живым приложением к дому» [*Локтева*, 2022, с. 112]. Отношение к кошкам как к обычным хозяйственным животным вроде овец в течение XX в. сменилось на восприятие их как питомцев и семейных любимцев. Это явно указывает на развитие урбанизации и еще, по-видимому, на постепенную гуманизацию общественных отношений. Соответственно, изменилось и значение термина «кошатник», первоначальный зловещий смысл которого оказался прочно забыт.

Примечания

¹ Прилагательное «жаганчатый» является редким профессиональным термином. Например, в одном из лучших, подробнейших словарей русского языка оно приведено с цитатой из этого самого сборника 1880 г. и без какого-либо толкования (Словарь русских народных говоров, 1972, с. 55–56).

² Зап. В. А. Коршунковым от ее двоюродной внучки Людмилы К. (1961 г.р.) в г. Кирове (Вятке) в 2019 г.

³ ГОСТ 11597–77. Шкурки кошки домашней меховые выделанные. URL: <https://files.stroyinf.ru/cat0/58043-2.htm> (дата обращения: 18.12.2022).

Список источников

- Центральный архив Нижегородской обл. (ЦАНО). Ф. 472. Оп. 287. Д. 10. Ведомости о привезенных и проданных товарах в ярмарку 1872 года (по рядам).
- Центральный архив Нижегородской обл. Ф. 489. Оп. 286. Д. 1260. Обзор привезенных и проданных товаров в ярмарку 1867 года.
- Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 583. Оп. 600. Д. 167. Дело по рапортам нижних земских судов о появившихся в округах грабежах...
- Арнольд М.В.* Торговля и промышленность села Жадовки // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск: Губ. тип., 1866. Вып. 1. С. 21–27.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 3. 504 с.
- В магазине // Бегемот: сатирический еженедельник. 1928. Январь. № 2. С. 6.
- Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка: Губ. тип., 1907. 357 с.
- Ватрасы // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1892. Т. 5а (10). С. 640.
- Григорович Д.В.* Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1. 511 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 1–4. 699, 779, 555, 684 с.
- Доброзраков И.* Село Катунки с его приходскими деревнями // Нижегородский сборник / под ред. А.С. Гацкого. Н. Новгород: Тип. Нижегород. губ. правления, 1867. Т. 1, ч. 2. С. 169–190.
- Зеленин Д.* Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. (Отд. оттиск). 16 с.
- Карпов А.В.* Скорняжный промысел в Арзамасском уезде // Тр. комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб.: [Б. и.], 1880. Вып. 3, отд. 2. С. 75–135.
- Короленко В.Г.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8. 512 с.
- Крокодил. 1923. № 15 (45). С. 721–736.
- Л[укани]н А., п[рот].* Воскресные беседы // Пермские епархиальные ведомости. 1871. Отд. неофиц. № 9 (3 мар.). С. 101–108; № 10 (10 мар.). С. 117–128; № 16 (21 апр.). С. 203–215; № 17 (28 апр.). С. 221–226; № 18 (5 мая). С. 239–245; № 19 (12 мая). С. 251–258; № 20 (19 мая). С. 259–268.
- Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 9. 651 с.
- Магницкий В.* Особенности русского говора в Уржумском уезде, Вятской губернии (сб. областных слов и выражений). Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. 73 с.
- Магницкий В.* Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка: Губ. тип., 1883. 58 с.
- Максимов С.В.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010. Т. 1. 670 с. Т. 6. 608 с.
- Маяковский В.В.* Полное собрание произведений: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 3. 559 с.
- Михалёв П.* Спасчане – кустари и ремесленники // Знамя коммунизма. Спасское, 1968. 14 декабря (№ 150).
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний. М.: Рус. словари, 1994. Т. 1–2. 819, 936 с.
- [Наумов П.]*. Экономическое описание грунтовых дорог Вятской губернии, исполненное при дорожном отделе Вятской губернской земской управы в 1902 году. Вятка: Тип. и хромолитография М.М. Шкляевой, 1904. 107 с.
- Небольсин Г.П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1850. Ч. 2. XII, 495 с.
- Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1902 года / сост. В.И. Каменским. Н. Новгород: Тип. газеты «Волгарь», 1903. II, 132 с.
- Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1908 г. / сост. В.И. Анисимовым, И.Д. Добротиным [и др.]. М.: Тип. «Печатное дело», 1909. XXVIII, 218 с.

- Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1913 г. М.: Тип. «Моск. печатн. пр-во» В. Венгерова, 1914. XIX, 327 с.
- Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1916 года / под ред. С.В. Сперанского. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1917. XLVIII, 255 с.
- Отчет о ходе торговли на Нижегородской ярмарке 1900 года / сост. С.В. Сперанским и В.Р. Брилингом. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. XIX, 218 с.
- Очерки из животного царства: животные в мифах, преданиях, истории и биологии / сост. А.В. Зеленин. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1903. 179 с.
- Пришвин М.М.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 3. 542 с.
- Розанов В.В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. 558 с.
- Словарь русских народных говоров / глав. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 9. 362 с. Вып. 15. 399 с.
- [*Тягин Н.*] Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку Московской коммерческой практической академии воспитанника Николая Тягина / изданием Моск. коммерч. практич. акад. действ. члена П.Ф. Веретенникова. М., 1827. 59 с.
- Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 7. 415 с.

Библиографический список

- Борисов С.Б.* Практики охоты российских детей на мелких животных в XIX–XX вв. // Вестник Шадринск. гос. пед. ун-та. 2021. № 4(52). С. 219–222.
- Голикова С.В.* О гуманном отношении к кошкам // Веси. 2006. № 3. С. 60–61.
- Коришунков В.А.* Анима. Отношение к домашним животным в России: исторические очерки. М.: Неолит, 2022. 360 с.
- Коришунков В.А.* Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII – начала XX века. М.: Редкая птица, 2021. 320 с.
- Ледров С.М.* Кожевенно-меховая промышленность Арзамаса и его округи во второй половине XIX века // Актуальные проблемы отечественной истории и краеведения: современный взгляд: межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Грубова. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 344–355.
- Ледров С.М.* Торговля мехами на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX века // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(1). С. 207–212.
- Локтева А.А.* Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в. [Электронный ресурс] // Corpus mundi. 2022. № 2. С. 100–119. URL: chrome-extension://efaidnbmninnkcbpcqjpcglclefindmkaj/https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49989708_24545571.pdf (дата обращения: 17.01.2023).
- Рылева А.* Черная кошка, виртуальная и сама по себе // Языки культур: образ – понятие – образ: сб. / отв. ред. В.Л. Рабинович, А.Н. Рылева. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. акад., 2009. С. 411–423.
- Шатино Б.Л.* Индустрия мехового фальсификата, городская мода и демонстративное потребление в России второй половины XIX – начала XX вв. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 2(27). С. 105–111.
- Шатино Б.Л.* «Печелазовые» и «сторожковые»: культура употребления меха кошки и собаки в советское время // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: Медиапайр, 2022. С. 255–260.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.01.2023

FUR ANIMALS: CAT PELTS EXTRACTION AND PROCESSING IN 19TH AND EARLY 20TH CENTURY RUSSIA

V. A. Korshunkov

Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia
vla_kor@mail.ru
SPIN: 9519-7280

S. M. Ledrov

Moscow Witte University, Branch in Nizhny Novgorod, Okskiy Syezd str., 2, 603022, Nizhny Novgorod, Russia;
Nizhny Novgorod Institute of the Education Development, Vaneev str., 203, 603122, Nizhny Novgorod, Russia
sledrov@yandex.ru
SPIN: 7211-3630

There were huge reserves of raw materials for the fur and leather industry in the territory of Russian Empire. The climate of Northern Russia and Siberia has also contributed to the development of this industry. The demand for its products has long been great among the population of Russia and abroad: “Russian fur” was exported to European countries and China. In addition to wild animals, domestic animal skins were also mined, collected, and processed. Harvesting and processing of cat pelts was common in the past. In the 19th and early 20th centuries, cats were caught, killed and processed precisely because of their fur. The paper presents a comprehensive analysis of previously undisclosed archival documents, statistical data, ethnographic materials, and descriptions of this business in journalism and fiction. The authors discuss the reasons for the emergence and development of the cat pelts processing business, as well as the extent of its spreading. The terminology used to refer to cat skinning and to the fur industry is analyzed. The main regions for harvesting and processing the raw materials in the European part of Russia, primarily Simbirsk, Nizhny Novgorod and Vyatka provinces, are identified, and the technology for cat pelts processing is described, along with the places where the ready-made cat pelts were sold. The authors clarify the export potential of such goods, particularly in Russia’s trade with China. The Nizhny Novgorod fair, where peltry (including cat fur) was being exhibited and sold, is given particular attention. The paper notes that due to its high demand, this business continued to develop during the Soviet period, lasting until approximately the mid-20th century. The paper uses an anthropological approach (and specifically a zooanthropological approach) to study the economic history and history of daily life. Attention is drawn to the changing attitudes towards domestic animals (in particular, cats) in Russia throughout the 20th century, from their pragmatic and utilitarian perception to their status as family pets in modern culture and society.

Key words: history of leather and fur industry, pelts and fur trade, animals for industry, cat fur, Nizhny Novgorod fair, zooanthropology.

References

- Borisov, S.B. (2021), “Hunting practices of Russian children on small animals in the 19th–20th centuries”, *Vestnik Shadrinsk. gos. ped. un-ta*, № 4(52), pp. 219–222.
- Golikova, S.V. (2006), “About the humane attitude towards cats”, *Vesi*, № 3, pp. 60–61.
- Korshunkov, V.A. (2021), *Vetroum: strannoe, strashnoe, smeshnoe v povsednevnoy zhizni russkoi provintsii XVIII – nachala XX veka* [Vetroum: the strange, scary, and fanny in the daily life of the Russian province from the 18th to the early 20th century], Redkaya ptitsa, Moscow, Russia, 320 p.
- Korshunkov, V.A. (2022), *Anima. Otnoshenie k domashnim zhyvotnym v Rossii: istoricheskie ocherki* [Anima. Attitude towards domestic animals in Russia: historical essays], Neolit, Moscow, Russia, 360 p.
- Ledrov, S.M. (2012), “Fur trade at the Nizhny Novgorod fair in the first half of the 19th century”, *Vestnik Nizhegorod. un-ta im. N.I. Lobachevskogo*, № 1(1), pp. 207–212.
- Ledrov, S.M., (2011), “Leather and fur industry of Arzamas and its environs in the second half of the 19th century”, in Grubov, V.I. (ed.), *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii i kraevedeniya: sovremennyy vzglyad: mezhvuz. sb. nauchn. tr.* [Actual problems of national and local history: a modern view: interuniversity coll. of scient. papers], AGPI, Arzamas, Russia, pp. 344–355.
- Lokteva, A.A. (2022), “Animals and man: features of interaction in Russian culture of the 19th century”, *Corpus mundi*, № 2, pp. 100–119, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49989708_24545571.pdf (accessed: 17.01.2023).
- Ryleva, A. (2009), “Black cat, virtual and in itself”, in Rabinovich, V.L. & A.N. Ryleva (eds.), *Yazyki kul'tur: obraz – ponyatie – obraz: sb.* [Languages of cultures: image – concept – image: coll.], Izd-vo Rus. khrist. gumanit. akad., St. Petersburg, Russia, pp. 411–423.
- Shapiro, B.L. (2021), “Fur falsification industry, urban fashion and conspicuous consumption in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries”, *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*, № 2(27), pp. 105–111.
- Shapiro, B.L. (2022), ““Pechelazovye” and “storozhkovye”: the culture of using cat and dog fur in the Soviet era”, in Veremenko, V.A. (ed.), *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': mat. mezhdunar. nauch. konf.* [Domestic daily life of the population of Russia: history and modernity: mat. of intern. scient. conf.], Mediapapir, St. Petersburg, Russia, pp. 255–260.